

Б
Андрей Дмитриевич САХАРОВ

р. 21.5.1921

Физик-теоретик

Канд. физико-матем. наук (1947)

д-р физико-матем. наук (19...)

проф. (19...)

академик (1953)

Сталинская премия (1953) ??

трижды Герой Социалистического Труда (1953, 1956, 1962)

Государственная премия (1962) ??

почетн. чл. Американской академии искусств и наук (Бостон, 1969)

иностр. чл. Национальной академии наук США (Вашингтон, 197...)

премия Международной Лиги прав человека (1973)

премия свободы Дома свободы (Нью-Йорк, 1973)

премия "Чине дель Дука" {..., 1974}

Нобелевская премия мира (1975)

почетн. д-р Иерусалимского ун-та (1976)

почетн. вице-президент Международной Лиги прав человека (1976)

чл. Совета директоров Международной Лиги прав человека (1976)

Международная премия Джозефа Антидифамационной лиги (... 1977)

/город?/ Член-учредитель Комитета Прав Человека (1970-1974)

/город?/

Фрагменты автобиографической статьи САХАРОВ О СЕБЕ*

.../.../

Я родился в 1921 году в Москве, в интеллигентной и дружной семье. Мой отец - преподаватель физики, автор ряда широко известных учебных и научно-популярных книг. С детства я имел в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому владению избранной профессией. В 1938 году я окончил среднюю школу, поступил в Московский Государственный Университет и окончил его в 1942 году. В 1942-45 годах работал инженером на военном заводе, автор нескольких изобретений в области методов контроля продукции.

В 1945-47 годах я был в аспирантуре под руководством известного советского ученого, физика-теоретика Игоря Евгеньевича Тамма. Через несколько месяцев после защиты диссертации, весной 1948 года, я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия. Я не сомневался в жизненной важности создания советского сверх оружия для нашей страны и для равновесия сил во всем мире. Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей. В западной печати меня часто называют "отцом водородной бомбы". Эта характеристика очень неточно отражает сложную реальную ситуацию коллектива авторства, о которой я не буду говорить подробно.

Почти одновременно с началом работ по термоядерному оружию, с лета 1950 года, я вместе с И.Е.Таммом начал работу по проблеме управляемой термоядерной реакции, т.е. по использованию ядерной энергии легких элементов для целей промышленной энергетики. В 1950 году нами

* См. кн.: А.Сахаров. О СТРАНЕ И МИРЕ. Сб. произведений. НИ, Хроника-пресс, 1976, со.У-ХЛ.

была сформулирована идея магнитной термозоляции высокотемпературной плазмы и проведены оценки параметров установок термоядерного синтеза. Эти работы, о которых стало известно за рубежом из доклада И.В.Курчатова в Ларуэлье в 1956 году и из материалов Первой Женевской Конференции по мирному использованию ядерной энергии, признаются пионерскими. В 1961 году я предложил для тех же целей нагрев дейтерия лучом импульсного лазера. Я упомянул тут об этом, чтобы разъяснить, что мой вклад не ограничивался только военными проблемами.

В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особого мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и учёных советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и первые силы тысяч людей вливается в создание средств тотального разрушения, потенциально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, что ручаги управления находятся в руках циничных, хотя по-своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заключенных, почти все строительство осуществлялось их руками. С конца 50-х годов все более отчетливым образом выражалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего "дела". Я был в несколько особом положении. В качестве теоретика-изобретателя, сравнительно молодого и к тому же беспартийного, я находился в стороне от административной ответственности, и был свободен от партийной идеологической дисциплины. Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в юдийной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX Съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий.

Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний по этому поводу во всем мире таких людей, как А.Швейцер, Л.Нолинг и некоторых других) я ощущал себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях. Как известно, поглощение радиоактивных продуктов ядерных взрывов миллиардами населения Земли людей приводит к увеличению частоты ряда заболеваний и врожденных уродств (за счет так называемых непороговых биологических эффектов, например, за счет поражения молекул ДНК - носителей наследственности). При попадании радиоактивных продуктов взрыва в атмосферу каждая мегатонна мощности ядерного взрыва влечет за собой тысячи безвестных жертв. А ведь каждая серия испытаний ядерного оружия (все равно - США, СССР, Великобритания или Китай и Франция) - это десятки мегатонн, т.е. десятки тысяч жертв. Я встретился с большими трудностями при попытках разъяснить эту проблему, с желанием понимания. Я писал докладные записки (одна из них вызвала поездку И.В.Курчатова для встречи с Н.С.Хрущевым в Илле - с безуспешной попыткой отменить испытания 1958 года), выступал на совещаниях. Я вспоминаю лето 1961 года, встречу учёных-атомщиков с председателем Совета Министров Хрущевым. Виноваты, что нужно готовиться к серии испытаний, которая должна поддержать новую политику СССР в германском вопросе (Берлинскую стену). Я писал записку Н.С.Хрущеву: "Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны" - и передав ее по рядам.

Хрущев кладет записку в нагрудный карман и приглашает присутствующих отобедать. За закрытым столом он произносит импровизированную речь, напытавшую мне по своей откровенности, отражавшей не только его личную позицию. Он говорит приблизительно следующее. Сахаров хороший учёный, но предоставьте нам - специалистам этого конкретного дела, делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентации врага. Мы не можем сказать вслух, что мы ведем политику с позиции силы, но это должно быть так. И был бы смытый, а не председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров. Своей политикой в 1960 году мы способствовали избранию Кеннеди. Но на чёрта нам Кеннеди, если он связан по рукам и ногам, если его в любой момент могут свалить.

Другой, не менее драматичный, эпизод разыгрался в 1962 году. Министерство, исходя в основном из бюрократических интересов, дало указание провести очередной испытательный взрыв, фактически бесполезный с технической точки зрения. Взрыв должен был быть мощным, так что число ожидаемых жертв было колоссально. Понимая необоснованный, преступный характер этого плана, я предпринял отчаянное усилие его остановить. Это длилось несколько очень напряженных для меня недель. Накануне испытания я позвонил министру и угрожал отставкой. Министр ответил: "Мы вас за горло не держим". Я сумел дозвониться в Ахабад, где Хрущев в тот день находился, и умолял его вмешаться. На другой день я имел объяснение с одним из приближенных Хрущева, но в это время срок испытания был перенесен на более ранний час, и самолет-носитель уженес свою помчу к намеченной точке взрыва. Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию.

В 1962 году я посетил министра атомной промышленности, находившегося в тот момент на лечении в загородном правительственном санатории вместе с заместителем министра иностранных дел, и изложил важную идею, на которую в то время мое внимание обратил один из моих друзей. В этот период уже несколько лет велись переговоры о запрещении ядерных испытаний, упирающиеся в трудность контроля подземных взрывов. Но радиоактивное заражение возникает лишь при взрывах в атмосфере, в космосе и в океане. Поэтому ограничение соглашения о запрещении испытаний этими тремя средствами решает обе проблемы (заражения и контроля). Необходимо упомянуть, что с подобным предложением ранее выступал президент Эйзенхауэр, но тогда оно не встретило понимания с советской стороны. В 1963 году по инициативе Хрущева и Кеннеди был заключен так называемый Московский договор, в котором эта идея была реализована. Возможно, моя инициатива способствовала этому историческому акту.

В 1964 году я выступил на собрании Академии наук СССР (в связи с выборами одного из соратников Лисенко) и публично коснулся "запретной" темы и положений в советской биологии, где десятилетиями преследовалась как "лженнаука" современная генетика, а учёные, рабочие в этой области, подвергались жестоким гонениям и репрессиям. Затем я подробно развил эти мысли в письме на имя Н.С.Хрущева. Оба выступления имели очень широкий отклик, впоследствии в какой-то мере способствовали исправлению положения. Тогда впервые мое имя появилось в советской прессе в статье президента Академии сельскохозяйственных наук, содержащей самые беспардонные нападки на меня.

Для меня лично эти события имели большое психологическое значение, а также расширили круг лиц, с которыми я общался. В частности, я познакомился в последующие годы с братьями Коресом и Роем Медве-

девими. Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева была первым произведением "самиздата" (появившегося несколько лет перед этим слово для обозначения нового общественного явления), которое я прочел. И познакомился также в 1967 году с рукописью книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно последняя, произвели на меня очень большое впечатление. Как бы ни окладывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии.

В 1966 году я принял участие в коллективном письме XXII-му съезду КПСС о "культе" Сталина. В том же году я послал телеграмму Верховному Совету РСФСР о намечавшемся тогда новом законе, который открывал возможности широких преследований за убеждения (статья 190-1 УК РСФСР). Так впервые моя судьба переплелась с судьбой той малочисленной, но очень весомой в нравственном и, с моей стороны, в историческом плане группе людей, впоследствии получивших название "инакомыслие". (Лично мне больше по душе старое русское слово "вольно-мыслие".) Очень скоро мне пришлось выступить в письме на имя Брежнева против ареста четырех из них: А.Гинзбурга, В.Галанкова, трагически погибшего в лагере в 1972 году, В.Лановой и Добролюбского. В связи с этим письмом и предидущими действиями министр внутренства, которому я был подчинен, сказал обо мне, что Сахаров крупный учений и мы его хорошо наградили, но он "плохой политик".

В 1967 году я написал для одного распространявшегося в служебном порядке сборника футурологическую статью о будущей роли науки в жизни общества и о будущем самой науки. В том же году мы вдвоем с журналистом Э.Гепри написали для "Литературной газеты" статью о роли интеллигентии и опасности термоядерной войны. ЦК КПСС не дало разрешения на публикацию этой статьи, однако неведомым мне способом она попала в "Политический дневник" — таинственное издание, как предполагают, нечто вроде "самиздата" для высших чиновников. Обе эти оставшиеся малоизвестными статьи легли через год в основу работы, которой суждено было сыграть центральную роль в моей общественной деятельности. В начале 1968 года я начал работу над книгой, которую назвал "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством — о войне и мире, о диктатуре, о запретной теме сталинского террора и свободе мысли, о демографических проблемах и загрязнении среды обитания, о той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. На общем настроении работы оказалось время ее написания — разгар "Пражской весны". Основные мысли, которые я пытался развить в "Размышлениях", не являются очень новыми и оригинальными. В основном, это коммиллиции либеральных, гуманистических и "науко-критических" идей, базирующихся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как склонительное и местами вретенцозное, несовершенное ("сырец") по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги. В работе четко сформулирован представившийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем, осиротевшей демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом, как единственно возможной альтернативы гибели человечества. Начиная с мая-июня 1968 года, "Размышления" широко распространялись в СССР. Это мои первые работы, ставшие достоянием самиздата. К июлю и августу относятся первые зарубежные сообщения о моем выступлении; в дальнейшем "Размышления" многократно публиковались за рубежом большими тиражами, вызвали огромный поток откликов в прессе множества стран. Наряду с содержанием работы в этом несомненно сыграла важную роль то, что это было сдво из первых прорвавшихся на Запад произведений общественно-политического характера, к тому же автором был отмеченный высшими знаками отличия представитель "таинственной" и "грозной" специальности физика-атомика

(эта сенсационность, к сожалению, и сейчас еще окружает меня, особенно на страницах массовой западной печати).

Опубликование за рубежом "Размышлений" мгновенно изолило мое отстранение от секретных работ (в августе 1968 года) и перестройку всей моей жизни на новый ход. Как раз в это время и под влиянием импульсов, представляющих мне сейчас несостоительными, передал в фонд государства (на строительство онкологической больницы и в Красный крест) почти все свои сбережения. Я не имел в те времена личных контактов с нуждающимися в помощи людьми. Сейчас, постоянно видя вокруг себя людей, нуждающихся не только в защите, но и в материальной помощи, я часто сожалею о своем слишком поспешном поступке. С 1969 года я был направлен на работу в Физический Институт Академии наук СССР, где я когда-то был аспирантом, а затем сотрудником Игоря Евгеньевича Тамма. Хотя это означало существенное понижение в служебном и материальном положении, но сохранило за мной возможность продолжать научную работу в наиболее интересной для меня области физики — теории элементарных частиц. К сожалению, в последние годы я не удовлетворен продуктивностью своей научной работы. Так же, как и немалый для физика-теоретика возраст, определившую роль в этом играет напряженное, а в последнее время крайне тревожное положение, в котором оказались близкие мне люди, мои семьи и я сам.

Между тем общественные события и внутренняя потребность противостоять несправедливости продолжали толкать меня на новые действия. В начале 1970 года мы совместно с физиком и математиком Валентином Турчиним и Роем Медведевым опубликовали новое открытое письмо руководителям государства. Тема письма — взаимосвязь проблем демократизации и технико-экономического прогресса. В ныне я принял активное участие в кампании за освобождение другого из братьев Медведевых — бислога Мореса — от незаконного помещения в психиатрическую больницу. В те же дни я принял участие в коллективной надзорной халобе в прокуратуру СССР по делу генерала П.Г. Григоренко, который по преданию Ташкентского суда был направлен для принудительного лечения в специальную тюрьмную больницу МВД СССР в город Черниговск. Причины этого являлись неоднократные открытые выступления Григоренко в защиту политзаключенных и в защиту прав крымских татар, которые в 1944 году были по сталинскому произволу с огромными жестокостями выселены из Крыма, а ныне не могут вернуться на родину. На такое обращение, указавшее на многочисленные явные нарушения закона в деле Григоренко, не последовало никакого ответа (что тоже представляет собой грубое нарушение закона). Так я еще более выдвинулся, чем в 1968 году, соприкоснулся с одной из наиболее, быть может, низорных страниц современной советской действительности — с беззаконием и циничным преследованием лиц, выступавших в защиту основных прав человека. Но одновременно я узнал некоторых (и в последующее время — многих других) из этих людей. Одним из участников коллективной халобы по делу Григоренко был Валерий Чалидзе, с которым я тесно сошелся.

Дальнейшее мое обложение с проблемами защиты прав человека произошло в октябре 1970 года, когда я был допущен присутствовать на политическом процессе. Математик Револьт Нименов и артист театра кукол Борис Вайль обвинялись в распространении "самиздата" — давали читать друзьям книги и рукописи. В данном случае упоминалась статья Джиласа, чешский манифест "2000 слов", личные комментарии Нименова к речи Хрущева на XX съезде и т.д. Я сидел в зале, заполненном "стажерами" КГБ, а друзья подсудимых в течение всего процесса находились в коридоре первого этажа. Это еще одна черта всех без исключения политических процессов. Формально они открыты для публики, но за заранее заполненными специально для этого привезенными сотрудниками КГБ, и еще другая группа сотрудников окружает суд со всех сто-

рек, они всегда в штатском, называют себя дружинниками и якобы охраняют общественный порядок. Так было (о извращенческими вариациями) на всех судах, на которые я допускался в зал заседания. Допуски же эти были, по-видимому, некоторой данью моим прежним заслугам. Пименова и Вайля осудили на 5 лет ссылки каждого, несмотря на то, что адвокат Вайля на кассационном суде привел веские доводы его полной непричастности к инкриминируемым ему эпизодам. В последнем слове Борис Вайль сказал, что несправедливый приговор оказывается не только на судьбе осужденного, но и на сердце судей.

Начиная с осени 1971 года и уже оказался вне линии дружинников. Но больше ничего не менялось. На суде над известным астрофизиком Крохидом Лыбарским (который обвинялся все в том же - в распространении "самиздата") разыгрался очень показательный и трагический спектакль. Нас не пустили в зал, а когда заседание началось, "неизвестные в штатском" с применением силы вытолкнули из заседательного зала на улицу. После этого на входную дверь народного суда были повешены ю большой амбарный замок. Надо видеть своими глазами весь этот беспомощный и жестокий театр, чтобы прочувствовать его до конца! Но зачем все это? Я не могу дать другого ответа кроме того, что фарс, разыгрывающийся внутри суда, еще в меньшей мере предназначен для гласности, чем фарс у стен суда. Казенно-бюрократическая логика судопроизводства неизбежно выглядит гротескной в свете гласности, даже при формальном соблюдении закона, что тоже бывает далеко не всегда.

...

~~Продолжу. Ильину и Вайля, как и многих других осужденных очарки зрения человеческих норм является относительно мягким в сравнении с решениями советских судов в других подобных случаях, в особенности в последние годы. Владимир Руковский, известный всему миру своим выступлениями в защиту заключенных по политическим мотивам психиатрические больницы, осужден на 12 лет - 8 года тюрьмы, 5 лет лагеря и 5 лет ссылки. К.Любарский осужден на 5 лет заключения. Еще суровее приговоры за пределами Москвы. Новододской психиатр С.Глузман осужден на 7 лет заключения. Я однажды случайно видел Семена несколько минут на вокзале и был поражен чистотой его облика, какой-то действенной добродетелью и прямолинейностью. Тогда я еще не мог подозревать, что ему предстоит такая судьба! Предполагают, что причиной расправы над Глузманом было предложение, что он автор "Зачочной экспертизы по делу Григоренко". Но на суде это заявление не фигурировало. Авторы мемуаров о своем пребывании в лагере Мороз и Ю.Пухевич осуждены украинским судом один на 14, другой на 5 лет с конфискацией имущества. Рассказ старшего и членов подобных расправ~~

Прежде чем двигаться дальше, я хочу сказать несколько слов, почему мне представляется таким важным делом защита политзаключенных, защита свободы убеждений. Наша страна за 36 лет прошла путь тяжелых потрясений, страданий и унижений, физического уничтожения миллионов лучших в нравственном и интеллектуальном отношении людей, десятилетия казенного лицемерия и демагогии, внутреннего и внешнего приспособленчества. Эпоха террора, когда пытки и особые советские грозили каждому, когда хватали самых верных слуг режима просто для общего счета и для создания атмосферы страха и подчинения, - сейчас позади. Но мы все еще живем в созданной этой эпохой духовной атмосфере. Для тех немногих, которые не подчиняются господствующему соглашательству, государство по-прежнему применяет репрессии. Наряду с судебными репрессиями самую важную и решающую роль в сохранении этой атмосферы внутреннего и внешнего подчинения играет власть государства, со средоточившего в своих руках все экономические и социальные рычаги. Это больше всего держит в невидимой зависимости тело и дух большинства людей. Для психологической обстановки в стране также очень су-

щественно, что люди устали от бесконечных обещаний экономического процветания в самом ближайшем будущем, разуверились в громких словах вообще. Уровень жизни (питание, жилье, одежда, возможности отдыха), социальные условия (детские учреждения, медицинские и учебные заведения, пенсии, охрана труда и т.д.) – все это крайне отстает от уровня в развитых странах. В широких слоях населения развивается равнодушие к общественным вопросам, потребительская и эгоистическая позиция. Протест же против нынешней официальной идеологии у большинства несет несознанный, подсознательный характер. Наиболее широкими и осознанными являются религиозные и национальные движения. Среди тех, кто занимает лагерь и подвергается другим преследованиям, много верующих и представителей национальных меньшинств. Одной из массовых форм протesta является желание покинуть страну. К сожалению надо отметить, что иногда стремление к национальному возрождению и приобретает новинистические черты. При этом оно смикается с традиционной "бытовой" неприязнью к "иностранным". Русский антисемитизм – один из примеров этого. Для части русской спиритуальной интелигенции таким образом напоминается парадоксальная близость с негласной партийно-государственной доктриной национализма, которая фактически все больше сменила антинациональный и антирелигиозный миф большевизма. У некоторых то же чувство неудовлетворенности и внутреннего протesta принимает другие ассоциальные формы (нигиство, уголовщина).

Очень важно, чтобы фасад показных благополучия и энтузиазма не закрывал от мира этой истинной картины – наш опыт не должен пропасть даром. Столь же важно, чтобы наше общество постепенно выходило из тупика бездуховности, при котором закрывается возможность не только развития духовной культуры, но и прогресса в области материальной сферы.

Я убежден, что в условиях нашей страны нравственная и правовая позиция является самой правильной, соответствующей потребностям и возможностям общества. Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, сектантство и бесовщину.

Убежден, что только так и при условии возможной широкой гласности Запад сможет увидеть сущность нашего общества, и тогда эта борьба становится частью общемирового движения за спасение всего человечества. В этом частичный ответ на вопрос, почему и от общемировых проблем естественно обратился к защите конкретных людей.

Позицию тех, кто, начиная с процессов Синявского и Даниэля, Бродского, Гинзбурга и Галанкова, боролись за справедливость, так, как они ее понимают, вероятно, можно сопоставить с позицией всемирно известной, стоящей вне политики организации – "Энниси интернейшнел". В любой демократической стране не могло бы даже возникнуть вопроса о законности подобной деятельности. У нас, к сожалению, это не так; десятки самых известных политических процессов, десятки узников психиатрических тюремных больниц – наглядное тому свидетельство.

За последние годы я многое узнал о советской юридической практике – присутствуя на судах, получая множество сведений о ходе подобных дел в других городах. Очень многое я узнал также о режиме в местах заключения, о недосдании, безжалостном формализме и репрессиях против заключенных. В ряде выступлений я обращаю внимание мирового общественного мнения на эту проблему, которая является жизненно важной для одного миллиона семисот тысяч советских заключенных и косвенно оказывает глубокое влияние на многие важные стороны нравственной и социальной жизни всей страны. Я обращался и обращаясь вновь ко всем международным организациям, к которым эта проблема имеет

* "Международная Амнистия".

отношение, в особенности к Международному Красному Кресту, с просьбой отказатьсь от политики немилосердства во внутренние дела социалистических стран в вопросах защиты прав человека и проявить при этом максимальную настойчивость. Я выступал также об институте "условного освобождения с обязательным привлечением к труду", который в политическом отношении представляет собой пережиток сталинской системы массового принудительного труда и является очень страшным в социальном отношении. Трудно даже представить себе весь коммэр бараков "условные освобожденных", с почти новальным пылением, мордобоями и поножовщиной. Эта система сломала уже жизнь многим людям. Сохранение системы лагерей и принудительного труда является одной из причин, почему обширные районы страны закрыты для иностранцев. По-видимому, осуществление сколько-нибудь усеченного международного сотрудничества в деле освобождения наших богатейших ресурсов невозможна без ликвидации этой системы.

Другая проблема, которая привлекла на протяжении всех последних лет мое внимание, - это психиатрические репрессии, использование органами КГБ как важное дополнительное средство подавления и устранения инакомыслия. Несомнена огромная социальная опасность этого явления.

~~...
[redacted]
[redacted]~~

Я чувствую себя в исключительном долгу перед смелыми и нравственными людьми, которые являются участниками тюрем, лагерей и психиатрических больниц за свою борьбу в защиту прав человека.

Осенью 1970 года я совместно с В.И.Чалидзе и А.Н.Твердохлебовым принял участие в основании "Комитета прав Человека". Этот наш акт привлек большое внимание в стране и за рубежом. Со дня основания в работе комитета принимал активное участие А.С.Вольгин. Впервые в нашей стране появилась подобная ассоциация, и ее участники не очень точно представили, что и как им надо делать. Однако Комитетом была проделана в некоторых проблемах большая работа, в частности, в изучении вопроса о принудительных психиатрических госпитализациях по политическим мотивам. В настоящее время в работе Комитета участвуют И.Р.Шафаревич, Г.С.Подольский и др. Само существование Комитета, как независимой от властей свободной ассоциации, так же, как и существование несколько ранее созданной "Инициативной группы", для нашей страны имеет уникальное и очень большое нравственное значение.

Сборник открывается "Памятной запиской", которая была написана в первые месяцы 1971 года и в марте 1971 года направлена на имя Л.И.Брежнева. "Памятная записка" представляет собой неформатное вроде конспекта воображаемого диалога с руководством страны. Я не уверен, что эта форма литературы удачна, но зато возможна. Но содержание же я стремился к отражению своих позитивных требований в политической, социальной и экономической областях. Через пятнадцать месяцев, не получив никакого ответа, я опубликовал "Памятную записку", дополнив ее "Послесловием", которое представляет собой самостоятельное произведение. Я обращая особое внимание читателя на него.

Публикуя "Памятную записку", я не внес丝毫 исправлений в ее текст. В частности, я не изменил и трактовки проблемы советско-китайских отношений, о чём сожалею. Я не идеализирую и сейчас китайский вариант социализма. Но я не считаю правильной ту оценку опасности угрозы китайской агрессии в отношении СССР, которая содержится в "Памятной записке", во всяком случае, китайская угроза не может служить оправданием милитаризации нашей страны и отсутствие в ней демократических преобразований.

/.../

В апреле 1972 года я составил текст обращения к Верховному Совету СССР об амнистии политзаключенных и об отмене смертной казни.

Эти документы были приурочены к пятидесятилетию СССР. Я уже писал, почему я придав такое первостепенное значение первому из этих вопросов. Остановлюсь на втором. Отмена смертной казни — исключительно важный в нравственном и социальном отношении акт для любой страны. В нашей же стране с ее очень низким уровнем правосознания при широкой распространенной озлобленности этот акт был бы особенно важен. Под обращениями удалось собрать около пятидесяти подписей. Каждая из них — это очень весомый нравственно-общественный акт подписанного. Собирая подписи, я почувствовал это с особой силой. Гораздо больше людей отказалось, объясняния некоторых из них многое прояснили мне во внутренних причинах мыслей и действий нашей интелигенции.

В сентябре 1971 года я обратился к членам Президиума Верховного Совета СССР с письмом о свободе эмиграции и бесприятственном возвращении. Другое же выступление по этому вопросу — письмо Конгрессу США в сентябре 1973 года. В этих документах я обращая внимание на различные стороны этой проблемы, в том числе на ту важную роль, которую ее положительное решение будет иметь для демократизации и повышения жизненных стандартов в нашей стране до уровня развитых стран. Пример Польши и Венгрии, где сейчас свободе въезда и возвращения не чинятся такие тяжкие препятствия как у нас, может служить доказательством правоты этой мысли.

Летом 1973 года я дал интервью по вопросам общего характера, предложенным мне корреспондентом шведского радио Улле Стенхельмом. Интервью это вызвало широкий резонанс в СССР и за рубежом. Я получил несколько десятков писем, содержащих возмущение моей "клеветнической" позицией (следует иметь в виду, что письма противоположного характера обычно не доходят до меня). Советская "Литературная газета" опубликовала статью обо мне под названием "Поставщик клеветы". Корреспондент Улле Стенхельм, взявший у меня интервью и без искажений опубликовавший его текст, недавно пишет въездной визу и возможности продолжать свою работу в СССР, что является возмутительным нарушением прав честного и умного журналиста, ставшего другом нашей семьи. Не исключено, что последнее обстоятельство сыграло свою роль в учреждении с ним беззаконии. Интервью было устным, ни у вопросы, ни ответы заранее не обсуждались. Это следует учитывать при оценке данного документа, представляющего собой испринужденный домашний разговор по весьма серьезным принципиальным вопросам. В этом интервью, как и в "Памятной записке" и в "Послесловии", я вышел за пределы темы прав человека и демократических свобод и коснулся экономических и социальных проблем, которые, вообще говоря, требуют специальной, а может быть и профессиональной подготовки. Но эти проблемы так животрепещущи для каждого человека, что я не раскаиваюсь в том, что они оказались предметом обсуждения. Особое раздражение моих оппонентов вызвала характеристика строя нашей страны как государственного капитализма с партийно-государственной монополией и вытекающим из такого строя последствий во всех областях жизни общества.

Важные принципиальные проблемы "разрядки" международной напряженности в их связи с условием демократизации и открытости советского общества отражены в интервью августа-сентября 1973 года.

Мои выступления в последние годы проходили в условиях все возраставшего давления на меня и особенно на мое семейство. В сентябре 1972 года был арестован наш близкий друг Юрий Никанович. В октябре 1972

истические страны. Эти люди ждут от советских инакомыслящих ответной аналогичной интернациональной позиции в отношении других стран. Но они не учитывают ряд важных обстоятельств: недостаток информации; советский инакомыслящий не только не может поехать в другие страны, но и внутри страны пишет письма от излишней "ленизмы"; многие факты мы рассматриваем иначе, чем "левая" интеллигенция Запада; мы должны избегать политических выступлений на международной арене, где мы так мало знаем, ведь мы и в собственной стране не занимаемся политической деятельностью; мы должны избегать оказываться в русле советской пропаганды, которая так часто нас обманывает. Мы знаем, что в западных странах существуют бдительные и влиятельные силы, которые лучше и эффективнее нас могут выступить против несправедливости и насилия там. Мы не оправдываем несправедливость и насилие, где бы они не проявлялись, не считаем, что их в нашей стране обязательно больше, чем в других странах, но сейчас наших сил не может хватить на весь мир. Мы просим учитывать все это и прощать те неточности, которые мы иногда допускаем в колемическом письму.

/.../

Большинство моих выступлений адресовано руководителям нашего государства или имеют конкретный зарубежный адрес. Но внутренне я обращаю их ко всем людям на земле, и в особенности к людям моей страны, потому что продиктованы они заботой и тревогой о своей стране и ее народе.

Я не являюсь чистым отрицателем нашего образа жизни, признаваясь в немое хуже в наших людях и стране, горячо ее любя; но вынужден фиксировать внимание на негативных явлениях, так как именно с них умалчивает казенная пропаганда и так как именно они представляют собой наибольший вред и опасность. Я не являюсь противником разрядки международной напряженности, торговли, разоружения - напротив, в ряде работ я призываю именно к этому; внимание в конвергенции я вижу единственный путь спасения человечества, но я считаю своим долгом указывать на все скрытые опасности ложной разрядки, разрядки-сгева-ра или разрядки-капитуляции, и призывать к использованию всего арсенала средств, всех усилий для достижения реальной конвергенции, сопровождающейся демократизацией, демилитаризацией и социальным прогрессом.

/.../

31 декабря 1973